

гроша собственного, и ничего не дѣлая, пальцемъ не шевеля ни для кого, ѣсть за трехъ; онъ проповѣдуетъ еще тутъ такія идеи, которыя, еслибы у Петра Ивановича хватило характера приводить ихъ въ дѣйствіе, сдѣлали бы изъ насъ скоро нищихъ. Съ подобнаго рода понятіями можно еще сидѣть сложа руки и существуя на чей-нибудь счетъ; но хлопотать и заботиться, и платить рабочимъ изъ собственного кармана — спасибо! Лучше уже отдать меньшей братѣ, какъ называютъ ее теперь, и землю, и скоть, все сразу; пусть сами хозяйничаютъ, какъ знаютъ; а мы будемъ жить ихъ подаініемъ... Нѣтъ! это низко и возмутительно! Это идеи бездѣльниковъ или завистливыхъ эгоистовъ, — людей, которые весь свой вѣкъ живутъ у кого-нибудь на хлѣбахъ, какъ нашъ пріятель, который, не заслуживъ ничего и не трудясь, не заботясь рѣшительно ни о чемъ, садится, однако, за столъ на первое мѣсто и танеть себѣ самый лучший кусокъ!..

Я пробоваль-было взять сторону обвиненнаго, но она не хотѣла и слушать. — О! Вы его еще худо знаете, — восклицала она съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ. — Это безстыдный, безсовѣстный челоуѣкъ, который подъ видомъ дружбы платитъ вамъ черной неблагодарностью! Въ несчастный день мы приняли къ себѣ эту язву въ домъ!

Мы были уже на балконѣ, за самоваромъ. Приходъ ея мужа съ Неплѣскинымъ, въ сопровожденіи двухъ ребятшекъ, ея дѣтей, заставилъ на время умолкнуть Ларису Дмитріевну. Потомъ начались опять ядовитыя выходки и язвительные намеки, прямо направленные въ Петра Ивановича, но попадавшіе рикошетомъ въ Неплѣскина.

— Ксантиппа! — произнесъ съ горькой усмѣшкою этотъ послѣдній, когда послѣ чаю, мы съ нимъ пошли прогуляться въ саду. — Но и Ксантиппа, слѣдуетъ полагать, была не всегда сварлива... За наши грѣхи медъ женственности перерождается въ уксусъ и желчь!

— Сколько могу, понять однако, — замѣтилъ я: — грѣхъ тутъ не ограниченъ тѣснымъ кругомъ супружескаго разлада. Васъ съ Петромъ Ивановичемъ обвиняютъ не менѣе какъ въ измѣнѣ сословному интересу?

— Ну да, вотъ видите, сословіе обанкрутилось, потому что дурно хозяйничало; а виноваты въ томъ Петръ съ Иваномъ...

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ, догоняя насъ, Петръ Ивановичъ.

— Да въ томъ же, — отвѣчалъ другъ его. И обращаясь ко мнѣ: — Это обыкновенный взглядъ; если у насъ что-нибудь неладно, то виноваты въ томъ всѣ, весь свѣтъ, кромѣ насъ.